

мыхъ разнообразныхъ и часто безсознательныхъ формахъ; это видно изъ древнѣйшихъ народныхъ сказаній и поэтическихъ легендъ, въ которыхъ трудно усмотрѣть какую-либо связь съ философіею. Авторъ указываетъ на сходство ученія Платона съ ученіемъ апостольскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, — добавляетъ онъ, — что сходство это — часто только внѣшнее; „тѣмъ не менѣе, первое въ нѣкоторыхъ частяхъ настолько близко къ послѣднему, что платонизмъ былъ усвоенъ древними отцами церкви и отразился на образованіи философской стороны христіанской догматики“ (стр. 15). „Повсюду, — продолжаетъ г. Гиляровъ, — гдѣ звучатъ христіанскія молитвы и жива искренняя вѣра въ евангельское ученіе, идеализмъ съ его философіею и поэзіею не перестанетъ быть торжествующимъ міровоззрѣніемъ; и станете ли вы углубляться въ философскій смыслъ установленныхъ христіанскою церковію догматовъ, станете ли мыслить о величіи безусловнаго нравственнаго долга, станете ли увлекаться высокимъ поэтическимъ произведеніемъ или грезить о любви, — вы всегда будете обвѣяны духомъ великаго генія Греціи — Платона“ (стр. 17—18). Очевидно, авторъ увлекается, — особенно по отношенію къ догматамъ. Онъ, вообще, стоитъ за философію сердца. „Платонова идеологія, — говоритъ онъ, — раздѣляетъ недостатокъ, общій всѣмъ метафизическимъ системамъ, — она не можетъ защитить себя предъ холоднымъ судомъ разсудка; но она лучше всѣхъ другихъ метафизическихъ построеній тѣмъ, что несравненно поэтичнѣе ихъ. Неистинная для ума, она истинна для сердца“. „Не въ философскихъ системахъ, — замѣчаетъ г. Гиляровъ въ другомъ мѣстѣ, — а въ грезахъ и ожиданіяхъ сердца скрытъ двигатель исторіи“.

Въ дальнѣйшихъ четырехъ главахъ (названныхъ почему-то „приложеніями“) авторъ подробно развиваетъ свою мысль о вліяніи философіи Платона на лирическую поэзію, на нравственные и эстетическія понятія новыхъ временъ. Между прочимъ г. Гиляровъ „полюбопытствовалъ узнать, какъ грезятъ о любви народы, не воспитанные на Платоновыхъ воззрѣніяхъ“; и нигдѣ не находилъ онъ „той чистоты или, по крайней мѣрѣ, той просвѣтленной мечтательно-грустнымъ идеализмомъ чувственности, которая налагаетъ такой своеобразный отпечатокъ на любовныя стихотворенія современныхъ европейскихъ поэтовъ“ (стр. 30). Авторъ приводитъ много пространныхъ выдержекъ изъ произведеній Байрона, Гёте, Гейне, Лермонтова, Фета и др. Одно стихотвореніе, довольно значительное по объему, переведено съ нѣмецкаго самимъ г. Гиляровымъ — и переведено довольно складно, рифмованными стихами (стр. 49 — 53). Разумѣется, романтический характеръ нашихъ „любовныхъ идеаловъ“ нисколько не доказываетъ еще, что мы обязаны ими Платону, и въ этомъ отно-